

История науки

Elena Aronova

Scientific History

Experiments in History and Politics
from the Bolshevik Revolution
to the End of the Cold War By

University
of Chicago
Press

2021

Е. А. Аронова

История как наука и политика

Эксперименты в историографии
и Советский проект

Новое
Литературное
Обозрение

2024

УДК 930(091)«19»

ББК 63.1(0)6

А84

Редактор серии К. Иванов

Аронова, Е. А.

А84 История как наука и политика: Эксперименты в историографии и Советский проект / Елена Александровна Аронова; пер. с англ. М. Семиколенных. — М.: Новое литературное обозрение, 2024. — 288 с.: ил. (Серия «История науки»)

ISBN 978-5-4448-2510-5

В первые десятилетия XXI века история переживает очередной «научный поворот»: программы биоистории, глубинной истории и Большой истории призывают исследователей пересмотреть свои представления о методологии истории и ее доказательной базе, преодолев традиционный разрыв между «двумя культурами» — естественными и гуманитарными науками. В своей книге Елена Аронова показывает, что разнообразные «научные повороты» провозглашались в исторической науке неоднократно со времени появления профессиональной истории как самостоятельной дисциплины. В основе книги — судьбы шести интеллектуалов XX века и их масштабных программ: философа истории Анри Берра, политика и интеллектуала Николая Бухарина, историка Люсьена Февра, биологов Николая Вавилова, Джулиана Хаксли и Джона Десмонда Бернала. Прослеживая переплетения их научных и жизненных путей, автор помещает «научные повороты» в исторический контекст и помогает понять, как идеи, методы и практики генетики, ботаники или информатики становились востребованными историками, а также то, какое влияние история оказывала на эти науки. Елена Аронова — профессор департамента истории университета Калифорнии, Санта Барбара.

УДК 930(091)«19»

ББК 63.1(0)6

Фото на обложке: © Lidija Ostojić on Pexels

Elena Aronova

SCIENTIFIC HISTORY: Experiments in History and Politics from the Bolshevik Revolution to the End of the Cold War

Licensed by The University of Chicago Press, Chicago, Illinois, U.S.A

© 2021 by The University of Chicago. All rights reserved.

© М. Семиколенных, перевод с английского, 2024

© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2024

© ООО «Новое литературное обозрение», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
«Россия как метод»	19
Глава 1. Научная история и единство науки	29
<i>Два движения за единство науки</i>	31
<i>История и позитивизм</i>	43
<i>История науки и исторический синтез</i>	54
<i>Политика синтеза</i>	62
Глава 2. Научная история и Россия	68
«Россия и Запад»	68
<i>История и марксизм</i>	76
«Великий перелом»	85
<i>Комиссия по истории знаний</i>	89
<i>Лондон, 1931</i>	95
Глава 3. Николай Вавилов, геногеография и будущее истории 102	
<i>География истории и генетический архив</i>	104
<i>Менделеев биологии</i>	112
<i>Геногеография и геополитика</i>	121
«Новый вид истории»	135
<i>Политика истории</i>	140
Глава 4. Холодные войны Джулиана Хаксли	147
<i>Две карьеры Джулиана Хаксли</i>	149
<i>Путешествие в будущее</i>	160
<i>Кризис советской генетики и холодные войны Джулиана Хаксли</i>	167
<i>Эволюционная история</i>	181
Глава 5. Научная история под эгидой ЮНЕСКО	187
<i>Коллективная история</i>	189
«Тетради мировой истории»	202
<i>Интернационализм холодной войны и производство исторического знания</i>	210

Глава 6. Историческая информатика	224
<i>Информационный социализм Д.Д. Бернала</i>	<i>225</i>
<i>История как наука о данных.</i>	<i>237</i>
<i>Историки и компьютеры</i>	<i>248</i>
<i>Социалистический рынок для капиталистической продукции</i>	<i>255</i>
Эпилог: От «конца истории» к «Большой истории»	270
<i>История науки и научная история.</i>	<i>276</i>
Сокращения	281
Указатель имен	282

Введение

В конце 1931 года Арнольд Тойнби, работая над очередным томом своей монументальной сводки международной политики, охарактеризовал прошедший год как *annus horribilis*, или «смутное время», когда «по всему миру люди всерьез размышляли о вероятном крушении западной системы общества»¹. Одновременно Тойнби работал над другим трудом, емко озаглавленным «Изучение Истории» (*A Study of History*). Тойнби надеялся, что история возникновения, роста, крушения и распада древних цивилизаций и культур, которые также прошли свои «смутные времена» в глубоком прошлом, может помочь понять причины и последствия «смутного времени», выпавшего на долю его поколения².

На протяжении большей части XX века Тойнби был одним из самых читаемых, переводимых и обсуждаемых историков. В мере, сравнимой с его успехом у широкого читателя, он был непопулярен среди коллег-историков, многие из которых высмеивали его морализирующий тон и отвергали его метод: Тойнби считал, что все научные методы хороши, и призывал историков дополнять традиционные исторические источники данными археологии, социологии, биологии, антропологии, лингвистики, палеонтологии и других дисциплин³. Однако

¹ Arnold J. Toynbee, *Survey of International Affairs*, 1931. (London: Royal Institute of International Affairs), 1.

² Arnold J. Toynbee, *A Study of History*, vol. I, *Introduction: The Geneses of Civilizations* (London: Oxford University Press, 1934), 172–177. См. обсуждение в статье: Ian Hall, “‘Time of Troubles’: Arnold J. Toynbee’s Twentieth Century,” *International Affairs* 90 (2014): 23–36.

³ Ian Hall, “The ‘Toynbee Convector’: The Rise and Fall of Arnold J. Toynbee’s Anti-Imperial Mission to the West,” *European Legacy* 17, № 4 (2012): 455–69; и “‘Time of Troubles’”.

большинство критиков разделяли с Тойнби его убеждение в том, что для изучения как прошлого, так и настоящего необходимо объединение всех заинтересованных ученых, невзирая на их дисциплинарную принадлежность. Так же как и Тойнби, многие его современники полагали, что на чаше весов было ни много ни мало как выживание западной цивилизации.

Настоящая книга посвящена масштабным экспериментам с методом и практикой написания истории, которые предпринимались в XX веке в разные периоды «смутных времен» — от кризисов, предшествовавших Первой мировой войне, до кризисов холодной войны. В основе этой книги лежат переплетающиеся траектории шести колоритных фигур и их программ новой, «научной истории»: последователя Огюста Конта и философа истории Анри Берра (1863–1954); политика Н. И. Бухарина (1888–1938), чей трагический конец вдохновил писателя Артура Кёстлера на сочинение его знаменитого политического триллера *Спящая тьма*; генетика Н. И. Вавилова (1887–1943), разделившего судьбу Бухарина несколькими годами позже; французского историка и со-основателя историографической школы Анналов Люсьена Февра (1878–1956); и двух биологов — Джулиана Сорелла Хаксли (1887–1975) и Джона Десмонда Бернала (1901–1971), — проживших достаточно долго, чтобы стать свидетелями двух мировых войн и, в разгар холодной войны, высокой вероятности третьей. Что может быть общего у таких разных людей, принадлежавших к разным поколениям, преследовавших разные цели, придерживавшихся разных политических взглядов и говоривших на разных языках? То, что их объединяло и между собой, и со многими другими учеными-естественниками, историками, журналистами, активистами и предпринимателями, — это стремление переосмыслить границы, инструменты и методы написания истории. Эта книга прослеживает историю взаимодействий между историками и учеными-естественниками, которые обменивались методами, подходами и предметами своих исследований с конца XIX века, когда профессиональные историки начали использовать разделение на естественные и гуманитарные науки для легитимации их дисциплины, и на

протяжении XX века, когда это разделение утвердилось как само собой разумеющийся факт¹.

В последние годы историки начали вновь обращаться к естественным наукам. Сторонники «био-истории» и «глубинной истории» призывают пересмотреть ставшие общим местом представления о самом определении истории, ее методах и ее доказательной базе². Участники проекта так называемой «Большой истории» утверждают, что пора объединить «две культуры» естественных и гуманитарных наук, и призывают историков рассматривать историю человечества в контексте истории Вселенной и поддерживать диалог с представителями биологии, геологии и других дисциплин³. На смену культурному, лингвистическому, транснациональному и прочим историографическим «поворотам», прокатившимся в конце XX века, история, как кажется, переживает свой «научный поворот» в первых десятилетиях XXI века.

Историки, однако, прекрасно знают, что кажущиеся революционными «повороты» в их дисциплине на самом деле имеют длинные корни⁴. Историзация «поворотов» в историографии часто выводит на авансцену сложный набор подходов, возможностей и интеллектуальных выборов, не просто заставляющих усомниться в их притязаниях на новизну, но поднимающих по-настоящему интересные вопросы, позволяющие поместить очередной «поворот» в его исторический контекст. Что касается

¹ Легко предположить, что у этих масштабных программ была также и сильная гендерная составляющая: не случайно то, что все без исключения герои данной истории — это мужчины, обладающие политическим авторитетом и влиянием. Хотя гендерный аспект оставлен за рамками этой книги, «научная маскулинность» могла бы быть продуктивной оптикой для этой истории. О концептуализации «маскулинности» в науке см.: “Scientific Masculinities,” ed. Erika Lorraine Milam and Robert A. Nye, special issue, *Osiris*, vol. 30, № 1 (2015).

² См., например: Julia Adeney Thomas, “History and Biology in the Anthropocene: Problems of Scale, Problems of Value,” *American Historical Review* 119, № 5 (2014): 1587–1607; и Daniel Lord Smail, *On Deep History and the Brain* (Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 2008). Более подробно см. ниже, во Введении.

³ David Christian, “Bridging the Two Cultures: History, Big History, and Science,” *Historically Speaking* 6, № 5 (2005): 21–26.

⁴ См.: “AHR Forum: Historiographic ‘Turns’ in Critical Perspective,” *American Historical Review* 117, № 3 (2012): 698–813.

«научного поворота» в историографии, в XIX веке те, кто называл себя «историками», по большей части имели те же интересы, что и ученые-естественники, и охотно прибегали к таким методам естественных наук, как статистика — область сама по себе принадлежащая обеим из «двух культур»¹. Профессионализация истории во второй половине XIX века не столько обозначила границу между историей и естественными науками, сколько изменила само-репрезентацию историков как ученых-гуманитариев, с их специфическими методами, отличными от методов их коллег-естественников. Это проявилось, в частности, в том, что взаимосвязи историков и естественников были исключены из исторических описаний историков об их дисциплине. В результате такой коллективной амнезии «научный поворот» сегодняшнего дня кажется чем-то революционным и новаторским. Однако, как показывает эта книга, разнообразные «научные повороты» совершались в исторической науке многократно со времени появления профессиональной истории как самостоятельной дисциплины.

Первым «научным поворотом» в историографии можно считать само установление истории как дисциплины в конце XIX века, когда на семинарах Леопольда фон Ранке были установлены научные стандарты исторического доказательства и профессиональной истории, основанной на дотошном изучении и критике сохранившихся в архивах документов — практики, ставшей символом исторической профессии, начиная с конца XIX века². Однако можно также говорить и о другом «научном повороте» в истории, обусловленном современным развитием биологии: сначала в форме характерных для историков и биологов XIX века аналогий между биологической эволюцией и историческим развитием, а затем, в начале XX века,

¹ Theodore M Porter, *The Rise of Statistical Thinking, 1820–1900* (Princeton: Princeton University Press, 1986).

² См.: Antony Grafton, *The Footnote: A Curious History* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997), 34–61 (“*Ranke: A Footnote about Scientific History*”). Общий очерк становления профессиональной истории см., например: Anna Green and Kathleen Troup, *The Houses of History: A Critical Reader in Twentieth-Century History and Theory* (New York: New York University Press, 1999), в особенности Глава 1.

в форме попыток некоторых историков использовать генетику для преодоления исторического детерминизма, которым характеризовались эволюционные объяснения исторического процесса. В первые десятилетия XX века многие ученые и историки стали видеть новоиспеченную дисциплину — историю науки — как мостик между гуманитарными и естественными науками, и это во многом определяло то, как история науки практиковалась в это время. После окончания Второй мировой войны появление компьютеров стимулировало создание новых способов анализа данных и развитие уже существовавших количественных приемов и методов сбора, агрегации и обработки данных в историческом исследовании. Одновременно, и в контексте другого «научного поворота», были попытки применения практики «Большой науки» к написанию истории, в частности среди участников больших международных проектов под эгидой ЮНЕСКО. Все перечисленные примеры можно с полным основанием назвать «научными поворотами», однако ни об одном из них не упоминается в описаниях современных историков, размышляющих о формах взаимодействия истории с естественными науками, при которых историки и естествоведы различают свои методы, но в то же время находят способы «взаимного дополнения»¹. Я называю этот проект *научной историей*. В этой книге прослеживается забытая история научной истории на протяжении XX века.

Написать историю научной истории во всех ее проявлениях и формах было бы необъятной задачей. Эта книга по необходимости выборочна и не претендует на исчерпывающее изложение научной истории во всех ее многообразных вариантах. Скорее это очерк истории представлений о том, как идеи, методы и практики генетики, ботаники или информатики оказались востребованными историками, а также о том, какое влияние история может оказать на эти науки и почему это важно. В основе этой книги лежат жизненные траектории конкретных людей. Многие из них — например, историки, связанные

¹ Thomas, “History and Biology in the Anthropocene,” 1603.

с историографической школой *Анналов*, или такие биологи, как Джулиан Хаксли, Н. И. Вавилов и Джон Десмонд Бернал — будут знакомы читателю из существующей литературы. Однако связи между этими историками и этими (и другими) биологами не были до сих пор предметом внимания историков. Между тем, переплетения жизненных путей ученых и историков помогают поместить «научные повороты» в их исторические контексты.

В переплетении судеб ученых и историков, разбираемых в этой книге, есть общая тема: все шесть главных героев этой книги были участниками международных конгрессов по истории науки. Именно поэтому они знали друг друга и встречались друг с другом — или, по крайней мере, были в одних и тех же местах в одно и то же время и по одной и той же причине. Берр, Бухарин, Вавилов, Хаксли и Бернал участвовали во втором международном конгрессе по истории науки и технике, состоявшемся в Лондоне в 1931 году, том самом *annus horribilis*. Двумя годами ранее Берр приветствовал участников Первого международного конгресса по истории науки, который состоялся в Париже в его собственном институте, Международном центре исторического синтеза (*Centre international de synthèse*). Февр, возглавлявший Центр вместе с Берром, был участником первой «недели синтеза», в рамках которой состоялся и конгресс историков науки. Для участников этих конгрессов история науки виделась особым метанаучным проектом, целью которого было, по словам Берра, «установить прочную связь между естественными и гуманитарными науками»¹.

Разные герои этой книги по-разному представляли себе связь между гуманитарной историей и естественными науками через посредство истории науки. Берр (Глава 1) и Бухарин (Глава 2) примиряли историю с наукой в рамках соперничающих между собой концепций единства знания, укорененных в двух

¹ Henri Berr, “Rapport sur l’organisation matérielle et la vie scientifique du Centre” (1929), цит. по: Michel Blay, “Henri Berr et l’histoire des sciences,” *Henri Berr et la culture de XXe siècle: Histoire, science et philosophie: Actes du colloque international 24–26 octobre 1994, Paris* (Paris: Albin Michel, 1997), 121–138, 133. Об истории этих конгрессов см. ниже, Глава 1.

центральных интеллектуальных системах XIX века — позитивизме и марксизме — применительно к истории и историческому методу. Международные конгрессы историков служили ареной, на которой в начале 1930-х годов разыгрывались драматические столкновения этих двух соперничающих программ: позитивной философии Конта (в ее преимущественно французском варианте) и марксистской философии (в ее раннесоветской версии). Драматическое появление Берра и Бухарина в программе специальной сессии, посвященной историческому синтезу, спланированной во время Лондонского конгресса 1931 года и состоявшейся (уже без Бухарина) на конгрессе в Варшаве в 1933 году, подготовило почву для событий, описанных в последующих главах книги.

Глава 3 посвящена другому участнику Лондонского конгресса 1931 года — генетику Николаю Ивановичу Вавилову — и его работе о центрах происхождения культурных растений, которую он представил на конгрессе. После конгресса Февр и другие французские историки, имевшие опыт участия в «неделях синтеза» Бера, заинтересовались работой Вавилова и обсуждали ее на страницах *Анналов*. Для этих историков геногеография Вавилова казалась новым мостиком между биологией и историей, обещающим заменить дискредитировавшие себя построения эволюционистов XIX века.

Хотя во второй половине XX века позиционирование истории науки как гуманитарной дисциплины стало определяющей чертой ее дисциплинарной идентичности в англоязычном академическом пространстве, программы «научной истории», в которых история науки преподносилась в качестве мостика между естественными науками и историей, продолжали находить себе институциональные ниши, часто вне академии или под эгидой новых международных научных организаций. В следующих двух главах (4 и 5) прослеживается история совместной работы историка Февра и биолога Джулиана Хаксли, еще одного участника Лондонского конгресса 1931 года, над проектом «История человечества: Культурное и научное развитие» под эгидой ЮНЕСКО. Проект имел целью написание новой

истории современного мира, в которой истории науки отводилось центральное место. По мнению Хаксли, после войны возглавившего новую международную организацию в качестве ее первого директора, «История человечества» была «ключевым проектом» ЮНЕСКО.

Цифровая гуманитаристика (англ. Digital Humanities) — это та область, в которой культуры естественных и гуманитарных наук, казалось бы, объединяются сегодня после долгого размежевания. История науки и в данном случае выступала связующим звеном. Глава 6, прослеживающая связи между компьютерами, автоматизированной обработкой данных и написанием истории, начинается, как и другие главы, с Лондонского конгресса 1931 года. В центре этой главы еще один участник конгресса — биолог и информационный визионер Дж. Д. Бернал. Программа информационного социализма Бернала любопытным образом пересеклась с жизненной траекторией филладельфийского предпринимателя и создателя Индекса цитирования (англ. *Science Citation Index*) Юджина Гарфилда, видевшего в истории прежде всего науку о данных и использовавшего именно историю науки для обкатки Индекса цитирования¹.

Я использую термин *научная история* для обозначения этих очень разных программ и визионерских проектов. Семантически этот термин может показаться спорным в связи с его полифоничностью. В исторической литературе ярлык «научная история» иногда применяется к историографической школе Ранке, но также используется и в более широком смысле. Прилагательное *научный* является общепринятым синонимом слова *объективный*, в смысле идеала объективности, ассоциируемого с наукой, или в качестве ироничного обозначения попыток открыть «законы истории» или объяснить общество и его историю подобно тому, как астрономы объяснили

¹ Легко видеть, что у этих масштабных программ была также и сильная гендерная составляющая: не случайно то, что все без исключения герои данной истории — это мужчины, обладающие авторитетом и политическим влиянием. Для обсуждения «научной маскулинности» см. сборник “Scientific Masculinities,” ed. Erika Lorraine Milam and Robert A. Nye, special issue, *Osiris*, vol. 30, № 1 (2015).

движение планет¹. Вдобавок прилагательное *научный* имеет разные коннотации в разных языках. В отличие от английского языка, в немецком, французском и русском языках история называется *наукой* (как в выражении «историческая наука»), и в соответствующих академических традициях противопоставление между гуманитарными и естественными науками не так выражено, как в англоязычном академическом пространстве.

При всей полифонии термина «*научная история*», есть одно обстоятельство, которое, как мне кажется, оправдывает его использование как собирательного термина для описываемых в этой книге программ и практик. В первые десятилетия XX века ученые и гуманитарии, называющие себя историками науки, употребляли термины *история науки* и *научная история* как взаимозаменяемые². Такая семантическая подмена подчеркивала то раннее представление об истории науки как гибридной и междисциплинарной области, играющей роль связующего звена между естественными и гуманитарными науками, которое использовалось для легитимации истории науки как самостоятельной области на стыке гуманитарных и естественных наук³.

¹ Чтобы составить представление о различных употреблениях термина *научная история*, см.: Peter Novick, *That Noble Dream: The "Objectivity Question" and the American Historical Profession* (Cambridge: Cambridge University Press, 1988); Joyce Appleby, Lynn Hunt, and Margaret Jacob, *Telling the Truth about History* (New York: Norton, 1994); Georg G. Iggers, *Historiography in the Twentieth Century: From Scientific Objectivity to the Postmodern Challenge* (Middletown, CT: Wesleyan University Press, 1997); Green and Troup, *The Houses of History*; Rens Bod, Jaap Maat, and Thijs Weststeijn, eds., *The Making of the Humanities*, vol. 3, *The Modern Humanities* (Amsterdam: Amsterdam University Press, 2014); и Ian Hesketh, *The Science of History in Victorian Britain* (London: Pickering & Chatto, 2011).

² См., например: A. K. Mayer, "Fatal Mutilations: Educationism and the British Background to the 1931 International Congress for the History of Science and Technology," *History of Science* 40, № 4 (2002): 445–472.

³ Имеет смысл вспомнить разделение между категориями, используемыми современными интерпретаторами или аналитиками (analytic categories), и категориями, использовавшимися историческими фигурами (actors' categories). В этом смысле в данной книге термин «научная история» используется как категория, взятая у самих фигурантов исторического процесса. Внимание к категориям, используемым учеными в прошлом (actors' categories), стало преобладающим методом в истории науки с 1970-х годов. См.: Gowan Dawson and Bernard Lightman, *Victorian Scientific Naturalism: Community, Identity, Continuity*, ed. Gowan Dawson and Bernard Lightman (Chicago: University of Chicago Press,

Несмотря на то что дисциплинарные границы истории науки со временем сузились, это раннее представление об истории науки как о мостике между гуманитарной историей и естественными науками продолжало существовать. Среди историков и ученых-естественников, занимавшихся историей науки, было много тех, кто стремился совмещать идеи, технические приемы, практики и подходы естественных наук в написании истории науки. К «научным историкам» принадлежал и, пожалуй, самый известный историк науки, Томас Кун, с именем которого часто связывается решительный поворот в истории науки к самоидентификации как прежде всего исторической дисциплине. Как обсуждается в Эпilogue, сам Кун считал, что его неправильно поняли. Данная книга проливает свет на эту сегодня забытую школу мысли.

Живя в эпоху так называемого *антропоцена*, все больше историков сегодня задумываются о том, что может означать осознание масштаба изменений окружающей среды в результате человеческой деятельности для исторической науки XXI века¹. Историк Дипеш Чакарбарти в своем влиятельном эссе писал, что антропоцен помещает историю человечества в контекст истории геологических эпох, ставя под вопрос то понимание исторического времени, к которому историки привыкли и который принимают как данное². По словам Чакарбарти, «осознание глобального изменения климата в результате человеческой деятельности разрушает концептуальное разделение между естественной историей и историей человечества, сыздавна выстраиваемое гуманитариями»³.

Осознание того, что глобальная трансформация окружающей среды меняет как землю, так и человеческое общество, все

2014), 1–26, 2 (Введение). Об амбициозных планах первых профессиональных историков науки см.: Anna-K. Mayer, “Roots of the History of Science in Britain, 1916–1950” (PhD diss., University of Cambridge, 2003). Я выражаю благодарность Анне Майер за содержательные беседы, сыгравшие ключевую роль в формировании концепции этого проекта.

¹ Thomas, “History and Biology in the Anthropocene,” 1603.

² Dipesh Chakrabarty, “Anthropocene Time,” *History and Theory* 57 (2018): 5–32.

³ Dipesh Chakrabarty, “The Climate of History: Four Theses,” *Critical Inquiry* 35, № 2 (2009): 197–222, 201.

больше влияет на работу современных историков. На страницах влиятельных исторических журналов все чаще поднимается вопрос о принятых в исторической профессии представлениях о масштабах исторического процесса и соизмеримости точек зрения, подходов и методов гуманитарной истории и естественных наук (или отсутствии такой соизмеримости)¹. Такие программы, как «Большая история», «глубинная история» или «био-история», стремятся сформулировать способы конструктивного взаимодействия с естественными науками². Но у этих программ тоже есть прошлое. Историки науки, в частности, начинают картографировать эту обширную территорию, находя корни и резонансы современных проектов «больших» и «глубинных» историй в разнообразных научных программах XIX и XX веков³.

Опираясь на эти работы моих коллег, в этой книге я переносю центр внимания на историю истории науки, рассматривая ее как ключевой исторический контекст сегодняшнего «научного поворота» в исторической науке. Как я показываю на последующих страницах, история истории науки сама по себе поучительна для понимания исторического контекста сегодняшних попыток наведения мостов между историей и естественными науками, поскольку она проливает свет на междисциплинарные программы, в рамках которых историки и естественники взаимодействовали, научные практики, которые делали это взаимодействие возможным, и политические цели, которые ставились

¹ См., например: Sebouh David Aslanian, Joyce E. Chaplin, Kristin Mann, Ann McGrath, "AHR Conversation: How Size Matters: The Question of Scale in History," *American Historical Review* 118, № 5 (2013): 1431–1472.

² См., например: David Christian, *Maps of Time: An Introduction to Big History* (Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2004); и Smail, *On Deep History and the Brain*. Доброжелательное обсуждение этих подходов историками, которые необязательно разделяют те же взгляды, см., например: David C. Kraukauer, John Lewis Gaddis, Kenneth Pomerantz, eds., *History, Big History, and Metahistory* (Santa Fe, NM: Santa Fe Institute, 2017).

³ Marianne Sommer, *History Within: The Science, Culture, and Politics of Bones, Organisms, and Molecules* (Chicago: University of Chicago Press, 2016); Nasser Zakariya, *A Final Story: Science, Myth, and Beginnings* (Chicago: University of Chicago Press, 2017); и Deborah R. Coen, *Climate in Motion: Science, Empire, and the Problem of Scale* (Chicago: University of Chicago Press, 2018).

этим междисциплинарными программами и их участниками¹. По мере того как история науки укрепляла свои позиции на исторических факультетах университетов, историки науки дистанцировались от естественно-научных корней своей дисциплины². Однако один из выводов этой книги заключается в том, что сегодняшняя историчность истории науки не противоречит гуманитарной программе ее создателей, ставящей целью примирение исторического понимания и естественно-научного объяснения³. Прослеживаемые на страницах этой книги исторические сюжеты, разворачивавшиеся в лиминальных пространствах на периферии дисциплин, происходящие вне традиционных дихотомий или вопреки им, высвечивают

¹ История науки служила многим разным целям и решала разные интеллектуальные и политические задачи. Сюжет, изложенный в этой книге, — лишь один из множества сюжетов истории этой дисциплины. Краткий исторический очерк истории науки см.: Lorraine Daston, “History of Science,” в *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*, ed. Neil J. Smelser, Paul B. Baltes (London: Pergamon, 2001), 6842–6848. Более подробные очерки интеллектуальной истории, культурной политики и интеллектуальной повестки истории науки см. в следующих работах: John R. R. Christie, “The Development of the Historiography of Science,” в *Companion to the History of Modern Science*, ed. R. C. Olby, G. N. Cantor, J. R. R. Christie, M. J. Hodge (London: Routledge, 1990), 5–22; Rechel Laudan, “Histories of the Sciences and Their Uses: A Review to 1913,” *History of Science* 31, № 1 (1993): 1–34; Michael Aaron Dennis, “Historiography of Science: An American Perspective,” в *Science in the Twentieth Century*, ed. John Krige and Dominique Pestre (Amsterdam: Harwood, 1997), 1–26; Anna-K. Mayer, “Setting Up a Discipline: Conflicting Agendas of the Cambridge History of Science Committee, 1936–1950,” *Studies in History and Philosophy of Science, Part A* 31, № 4 (2000): 665–689; и Lorraine Daston, “The History of Science as European Self-Portraiture,” *European Review* 14, № 4 (2006): 523–525, и “The Secret History of Science and Modernity: The History of Science and the History of Religion” (доклад представлен на конференции “The Engine of Modernity: Construing Science as the Driving Force of History in the Twentieth Century,” Columbia University, New York, May 2–3, 2017).

² См., например: Lorraine Daston, “Science Studies and the History of Science,” *Critical Inquiry* 35, № 4 (2009): 798–813.

³ О концептуальном различии между научным объяснением и историческим пониманием см. ниже, Глава 1. Об обсуждении исторического понимания как проблемы естественных наук см.: Anna-K. Mayer, “Setting Up a Discipline, II: British History, 1948,” *Studies in History and Philosophy of Science, Part A* 35 (2004): 41–72, в особенности 43–55. О философском осмыслении исторического понимания как научной проблемы см.: Henk De Regt, Sabina Leonelli, Kai Eigner (eds.), *Scientific Understanding: Philosophical Perspectives* (Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2009), в особенности 189–209 (Sabina Leonelli, “Understanding in Biology: The Impure Nature of Biological Knowledge”).

многообразные, неоднозначные и сложные взаимоотношения между естественными науками и историей¹.

«Россия как метод»

Историки неоднократно замечали, что география является мало отрефлексируемым методом в истории². Сравнительно недавно этот вопрос дискутировался среди историков науки в отношении концепции «Азии как метода» — подхода, в рамках которого историки начали пересматривать историю «проекта модерна» (англ. *Modernity*), традиционно укорененного в европейской интеллектуальной традиции, позиционируя Азию в качестве географического центра глобальной истории современности³. В рамках этой методологической стратегии «многообразие, неоднозначность и неопределенность понятия *Азия*» используется как полезная эвристика, позволяющая «получить в распоряжение историков более содержательный исторический материал и менее противоречивый инструментарий, чем это позволяют другие концептуальные схемы — как, например, неуклюжая концепция “глобального Юга”»⁴. Историки, работающие на материале таких вненациональных географических

¹ Я использую понятие *лиминального пространства* в том смысле, в котором его использовала историк Джоанна Бокман, т. е. для описания тех случаев, когда новое знание производится вне традиционных систем классификации, иерархий знания и политических дихотомий, или вопреки им. См.: Johanna Bockmann, *Markets in the Name of Socialism: The Left-Wing Origins of Neoliberalism* (Stanford, CA: Stanford University Press, 2011).

² Одним из ранних примеров подобного рассуждения может быть книга Февра и Батайона: Lucien Febvre, Lionel Bataillon, *Geographical Introduction to History*, trans. E. G. Mountford, J. H. Paxton (New York: Knopf, 1925).

³ См., например: Fa-ti Fan, “Modernity, Region, and Technoscience: One Small Cheer for Asia as Method,” *Cultural Sociology* 10, № 3 (2016): 352–368; и Warwick Anderson, “Asia as Method in Science and Technology Science,” *East Asian Science, Technology and Society* 6, № 4 (2012): 445–451. О роли истории науки в конструировании понятия европоцентричной модерности см.: Daston, “The History of science as European Self-Portraiture”; и Marwa Elshakry, “When Science Became Western: Historiographical Reflections,” *Isis* 101, № 1 (2010): 98–109.

⁴ Fan, “Modernity, Region, and Technoscience,” 363.

регионов, как Латинская Америка, Африка, Атлантический мир (англ., Atlantic world) и мир Индийского океана (англ., Indian Ocean world) — то есть географических и геополитических пространств, не укладывающихся в границы традиционных наций и государств, — также прибегают к географическому «объективу» в качестве стратегии для того, чтобы раздробить, регионализировать или другим образом выбить традиционно европоцентричную мировую историю из проторенной колеи¹.

По аналогии с исследовательским подходом «Азия как метод», в котором географический регион используется в качестве метода исторического исследования, я предлагаю «Россию как метод» для репозиционирования традиционно европоцентричной и как бы универсальной аналитической оптики самой исторической науки². Использование «России как метода» для рассмотрения разных историографических направлений, таких как историографическая школа *Анналов*, количественная история и всемирная история, позволяет высветить циркуляцию и модификацию знаний, практик и философских систем, связанных с научной историей³. С конца XIX и на протяжении

¹ См. обсуждение вопроса в Fan, “Modernity, Region, and Technoscience”. О подходе, в котором океаны рассматриваются как важнейшие центры мировой истории, см. David Armitage, Alison Bashford, Sujit Sivasundaram (eds.), *Oceanic Histories* (Cambridge: Cambridge University Press, 2018). Выражаю благодарность Минакши Менон и участникам группы «История науки в Азии: Деколонируя историю науки» (*History of Science in Asia: Decolonizing the History of science*) консорциума по истории науки, техники и медицины (*Consortium for History of Science, Technology and Medicine*), Филадельфия, за информативное обсуждение этой темы.

² Я использую слово «Россия» в том же смысле, что и ученые, использующие термин «Азия» в дискуссиях об «Азии как методе»: то есть в качестве условного обозначения территории Российской империи и Советского Союза, не предполагая при этом никакой эссенциализации ни страны, ни населяющих эти территории разнообразных народов и современных суверенных государств.

³ Сред прочих аналитических подходов, я опираюсь на работы Капила Раджа и Марвы Эльшакри о распространении и передаче знаний. Оба исследователя выявляют сложную сеть разнообразных контактов и взаимоотношений, обеспечивающих процесс обмена знаниями, в ходе которого претерпевают глубокие изменения и так называемое импортируемое знание и усваивающая его сторона. См.: Kapil Raj, *Relocating Modern Science: Circulation and the Construction of Knowledge in South Asia and Europe, 1650–1900* (New York: Palgrave Macmillan, 2006); и Marwa Elshakry, *Reading Darwin in Arabic, 1860–1950* (Chicago: University

большей части XX века Российская империя (а затем Советский Союз) оставалась активной, хотя и не равноправной, участницей движения за научную историю, и в процессе апроприации знаний, практик и философских систем, связанных с научной историей российскими, а затем советскими учеными, эти знания и практики, в свою очередь, изменялись и реконфигурировались в местах их происхождения.

Одна из историй, которая прослеживается на протяжении всей книги, — это история взаимодействий между французскими историками-гуманитариями и советскими учеными-естественниками. Эти взаимодействия оказали важное влияние на историческую науку XX века, однако советская глава в существующей истории историографической мысли остается за интеллектуальным «железным занавесом». Как я показываю в этой книге, история научной истории будет выглядеть совсем иначе, если проследить связи между историей историографии и историей науки в Российской империи и СССР.

Я использую концепцию «Азия как метод» в качестве отправной точки отчасти из-за ее объяснительной силы, а отчасти потому, что между Азией и условно-собирающей «Россией» существуют очевидные исторические параллели и взаимосвязи, как географические, так и исторические. В историческом воображении народов, населяющих обе территории, понятие универсального, абстрактного «Запада» играло и продолжает играть роль важного культурного компаса¹. На протяжении всей

of Chicago Press, 2013). Обсуждение подхода Капиля Раджа к изменчивости научного знания как аналитического ракурса, особенно подходящего для исследования российских/советских гуманитарных и общественных наук, см.: Susan Gross Solomon, "Circulation of Knowledge and the Russian Locale," *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 9 (2008): 9–26.

¹ Я использую термин «Запад» по большей части как категорию самих участников исторического процесса (англ., actors' category). Об интеллектуальной истории идеи об универсальном Западе в мусульманском мире см.: Aydin Cemil, *The Politics of Anti-Westernism in Asia: Visions of World Order in Pan-Islamic and Pan-Asian Thought* (New York: Columbia University Press, 2017). Об обсуждении «Запада» как тропа в российском культурном дискурсе см. Главу 2 настоящей книги. Обсуждение ранней постколониальной критики «Запада» как неотрефлексированной категории историков см. Главу 5.

российской истории «Запад» являлся для российских интеллектуалов и реформаторов важнейшим экзистенциальным Другим — иными словами, служа в одно и то же время ориентиром, целью, соперником, которому нужно подражать, объектом желания и ресентимента. Но если разнообразные общества и народы, населяющие огромную территорию собирательной «Азии», сформировали свои собственные культурные, интеллектуальные и экономические традиции, то «Россия» в разных своих ипостасях была и оставалась частью европейской культурной традиции, в которую российские элиты были и оставались интегрированы в разные периоды российской истории. Российский имперский опыт, как показал Александр Эткинд, был гибридным, соединив в себе опыт колонизатора и колонизируемого, западного ориентализма и его объекта. Опыт «внутренней колонизации» сделал Россию «в ее разнообразных проявлениях и периодах... как субъектом, так и объектом ориентализма»: Россия колонизировала саму себя и была ориентализована своими собственными «другими» — европеизированными высшими классами и элитами¹.

Двусмысленное положение «России», подрывающее бинарную оппозицию Запада и его Других, делает ее хорошим «методом» для зондирования интеллектуальной истории историографии, которая обычно сводится к обсуждению вклада западноевропейских интеллектуалов, от Маркса и Ранке до Фуко и Ферро. «Россия как метод» позволяет выявить эпистемологические ограничения использования Запада в качестве универсального метода для изучения истории историографической мысли и исторических методов, которые формировались, как и другие формы знания, в результате культурных обменов и взаимных заимствований, происходивших в разное время в разных регионах мира.

¹ Alexander Etkind, *Internal Colonization: Russia's Imperial Experience* (Cambridge: Polity, 2011). Александр Эткинд. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / Авториз. пер. с англ. В. Макарова. (М.: НЛЮ, 2013). См. также: Michael David-Fox, Peter Holquist, Alexander Martin, eds., *Orientalism and Empire in Russia* (Bloomington, IN: Slavica, 2006); и Vera Tolz, *Russia's Own Orient: The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods* (Oxford: Oxford University Press, 2011).